

ОТЧЕГО МОЛОДЕЕТ ПЕСНЯ

Наступает время в жизни каждого человека, когда он начинает ощущать непреодолимую потребность оглянуться, осмыслить свой путь, как маленькую тропинку среди больших дорог, пройденных народом, почувствовать свою долю труда в деяниях общества. Человеку всегда было свойственно желание на каком-то этапе жизни воспринять себя как часть человечества, но сколько трагедий рождало это желание! И только сейчас, в наше время, в нашем обществе оно становится источником счастья, а не горьких разочарований. Пусть счастье это тоже с горчинкой — ведь годы-то прошли! — но это совсем иная горечь, по-своему тоже плодотворная.

Именно в таком духе осмысливает К. Черный в новой повести «Там вдали, за рекой...» возвращение своего героя Федора Михайловича Тихова в родные места, где прошло его детство.

В повести постоянно переплетаются прошлое и настоящее, писатель осмысливает те связи, что накрепко связывают их между собой. Это определяет некоторую мозаичность повести, на главный сюжет нанизаны эпизоды, представляющие собой как бы маленькие вставные новеллы. Вот одна из этих новелл.

Когда-то, в студенческие годы, вспоминает Федор Михайлович, он вместе с группой товарищей пошел в туристический поход по Военно-Грузинской дороге. После хорошего обеда у гостеприимного грузина-духанщика «кто-то предложил:

— Полезем на ледник!
Все дружно согласились.
Профессор, нас сопровождавший, тоже сказал:

— Полезем.

Мы не стали его отговаривать. В молодости как-то невдомек, что мотор, расположенный в левой стороне грудной клетки, на разных этапах жизненной дороги имеет разные скорости.

Случилось так, что профессор шел следом за мной, так сказать, в затылок, за

ним — другие студенты. Но постепенно они стали нас обгонять, и мы оказались в хвосте. Шли по узкой тропинке сначала в одном и том же спокойном ритме. Но чем дальше, тем труднее становилась дорога. Я слышал у себя за спиной тяжелое дыхание профессора. Ну что ж, знал, на что шел. Я не собирался сбавлять шаг. И вдруг я услышал за собой усталый, с хрипотцой, голос профессора:

— Федя, а Федя!

Я ответил, не оглядываясь:

— Что, Василий Васильевич (так его звали)?

— Остановись на минуточку.

Голос его звучал так заискивающе, что я не мог не остановиться. Тогда он, поймав меня за подол рубашки, сказал:

— Федя, милый! Посмотри ты, какая вокруг красота! Пусть ребята лезут на ледник, а мы посидим тут, полюбуемся пейзажем.

.....
.....
.....

Я понял профессора, я оценил его мужество, но не остался с ним... Мне тогда нужна была более высота, нежели красота. Василию Васильевичу в то время было столько лет, сколько мне сейчас. Неужели пришла и моя пора, стоя на более или менее просторной площадке, любоваться окружающим пейзажем?»

Кто перевалил за первую половину своего жизненного пути, не сможет не оценить по достоинству точность воспроизведения возрастной психологии в этом отрывке. Молодость спешит, ее влечет недостижимое. Оттого, вероятно, где-то возникают поспешность суждений, излишняя суровость к старшим и даже иногда эгоистическое пренебрежение к слабости, то, что является подчас оборотной стороной юношеских дерзаний, романтических порывов и просто физической силы.

С возрастом приходит опытность и умудренность. И когда не хватает сил покорять вершины, рождается понятное желание оглядеться. И опять-таки у этой

будто бы слабости есть тоже своя обратная сторона. Сколько поэзии в этой оглядке, сколько возможности интересных сопоставлений, емких обобщений, разнообразных чувств, сколько возможностей постижения всего того, что можно назвать одним словом — красота.

Но такова уж диалектика человеческой природы, что она не может, не хочет все же удовлетвориться созерцательным любованием, не хочет «любоваться пейзажем» и, приобретя эту способность,— более всего стремится участвовать в созидании той самой красоты, которую наконец-то научилась ценить и понимать.

Суметь всегда найти себе место и дело в жизни по силам и даже немного выше сил, чтобы не уходило ощущение напряженности жизненных темпов, суметь сохранить «ощущение важности и полноценности своего бытия» — в этом и есть человеческое счастье. Эта мысль, магистральная в творчестве К. Черного, прозвучала в новой повести по-особому проникновенно, не без затаенной грусти.

Эта грусть естественна и человечна. Она делает доступнее и ближе к сердцу читателя все то, о чем рассказывает автор. И действительно, ведь как не грустить, когда многие, о ком вспоминает он, — и среди них милый его сердцу Сеня Казачонок, — давно лежат в братской могиле, на которой «невысокая четырехгранная пирамидка, увенчанная красной пятиконечной звездой», а от кого и могилы не осталось — так погиб сожженный белогвардейцами старый герой дядя Еся, — а иные живы и счастливы, но давно уже настала их пора оглядки. Герои повести — это люди, служившие и служащие высоким идеалам построения коммунистического общества, рыцари без страха и упрека. Они обладают какой-то особенной стойкостью к превратностям жизни, вынося из любых испытаний свои убеждения непоколебленными и незапятнанными.

Это в высшей степени относится и к уже названному Сене Казачонку,

погибшему в схватке с белыми в день своей свадьбы, Осипу Кондратьевичу Горицвету, не пожелавшему признать свою старость, продолжавшему сражаться с белыми в одиночку. Это относится к Павлу Ивановичу Твердохлебову, бессменному председателю колхоза, добротному и основательно выписанному. Сама внешность его вызывает ощущение крепости и надежности. «Я еще раз оглядел его: на широких плечах крепко посаженная голова, лицо загорелое, такое загорелое, что его надо бы назвать бронзовым, но я удержусь от этого сравнения. Оно слишком холодное для данного случая. На его лице явно отложились следы палящего летнего солнца и всех ветров, какие только мыслимы на Кубани, и холодной дождевой низовки, и пыльных бурь, нередко навещающих кубанские степи. Изрядно поработали они над этим лицом и придали ему такие признаки, что всякий посмотревший на него обязательно скажет: ну и здоров же ты, степной мужик, так здоров, что и никакому урагану не свалить тебя с ног».

Хитроватый и умный, любитель хорошей книжки, он, кажется, знает какой-то особый секрет человеческой прочности. И секрет этот очень прост. На вопрос: «Какая такая хитрость держит его так долго в председательском кресле?» — отвечает: «Землю люблю, людей своих люблю и от труда никогда не отлынивал. Вот тебе и вся истинная правда...» Нерушимая связь с народом, с колхозниками и помогала ему в трудные минуты, помогала пройти через все испытания.

Мы часто привыкаем к словам, мы говорим, что они, как и все на свете, подвержены разрушительному воздействию времени. Но есть слова, которые, особенно когда они согреты сильным и искренним чувством,— сильнее наступающих и уходящих лет, как и стоящие за ним мысли. Никогда не следует забывать, что есть истины, которые не подвержены старению. Такая

истина выражена, например, вот в этой сцене: женщина говорит священнику, встретив его на пороге:

— Не надо заходить, батюшка!

И когда он стал пугать ее адом, она выслушала его терпеливо и сказала: «А зачем мне рай, если там не будет моих детей. Вы знаете, батюшка, что все мои дети комсомольцы?» Да, мать идет к идеям своего времени через любовь к детям. Это — истина, как и то, что нет судьбы, нет счастья человека без родства его души с душой народной.

Возвращение Федора Михайловича в страну своего детства имеет и еще один глубокий смысл - это возвращение к истокам, к вечным корням всего нашего существования сегодняшнего дня жизни народной,— к революционному прошлому. Есть в повести знаменательный эпизод. Павел Иванович на народном празднике запекает старую революционную песню «Там вдали, за рекой...» Федор Михайлович присоединяется к нему. Запела и Даша, невеста-вдова Сени Козачонка, теперь старая учительница. Но «в шуме праздника голоса прозвучали, должно быть, очень слабо». Однако добрая песня сделала свое дело. «Шум за столами стал заметно стихать. Запели и другие ветераны. А дальше песня стала крепчать и молодеть, потому что запели ее с таким же искренним и мужественным подъемом». Не одолеть песню, которую поет весь народ, старшее поколение, для которого она — отзвук «кровавых схваток», и младшее, слышащее в ней не только голос истории, но и призыв будущего.

Мысль о преемственности поколений, о передаче неисчезающей революционной энергии от старших к младшим — тот идейный итог, к которому приходит автор в конце повести.

К. Черный принадлежит к числу тех писателей, у которых образный показ действительности сочетается с открыто публицистическим выражением дорогих сердцу идей. Это его характерная особенность, в этом своеобразии и сила

его дарования.

Подобный тип художественного мышления сложился в русской литературе еще давно, со времени Радищева, существует и сейчас. Писателю такого склада особенно важно всегда сохранить ощущение необходимой меры в сочетании образного и публицистического начала, искать интересные и оригинальные формы выражения публицистической линии (вспомним такие превосходные примеры художественной публицистики, как сны Веры Павловны, непосредственные обращения к читателю у Чернышевского. Интересные образцы подобного рода находим у советских писателей — В. Кожевникова, Б. Полевого).

К. Черный постоянно ищет свои формы для воплощения идейного замысла. Удачны воспоминания у братской могилы, яркий пример сочетания образности и публицистики, особенно — мысленный диалог с Сеней Казачонком, позволивший взглянуть на настоящее глазами человека двадцатых годов. То удивление, которое не мог бы не испытать он, сталкиваясь с многими новыми явлениями, понятиями нашего времени, подчеркнутое автором, помогает ощутить всю огромность пути, проделанного нашей страной.

Естественно звучат размышления Павла Ивановича и Федора Михайловича, превращающиеся частенько во вставные новеллы.

К сожалению, необходимое чувство меры нарушено в беседе с партторгом. Парторг Евгений Плужников — молодой, энергичный парень, жизнерадостный и естественный во многих человеческих проявлениях. Но когда он, наедине с Федором Михайловичем, начинает произносить пространственные речи-монологи о будущем — они более напоминают выступление с трибуны, чем задушевную беседу с гостем. К счастью, таких огрехов в книге мало.

Книги К. Черного быстро находят своего читателя. Одна из причин этого, вероятно, то самое непосредственное,

доверительное общение с читателем,
которое не может не вызвать отзвука в
его сердце.

ТАТЬЯНА БАТУРИНА